

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.15372/HSS20150301
УДК 821.161.1

Л.И. ЖУРОВА

О РОЛИ НЕПИСАНЫХ ПРЕДАНИЙ В РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ XVI В.*

Людмила Ивановна Журова, д-р филол. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: zhurova@ngs.ru

В статье на основе анализа сочинений Иосифа Волоцкого, митрополита Даниила, Максима Грека показано, насколько актуализировано значение неписанных преданий в творчестве знаменитых книжников, каковы способы их презентации и особенности функционирования в авторском тексте.

Иосиф Волоцкий в своей публицистике главным образом опирался на Священное Писание и письменные послания учителей Церкви. Максим Грек ссылался на сюжеты устных источников в своих полемических трактатах. Роль церковных преданий в трудах ученого монаха была обусловлена содержащейся в них референциальной истиной.

Соблюдение неписаного предания наряду с церковным писаным преданием – предмет повествования в Слове 3 «Соборника» Даниила. Опора на предания Даниила была необходима для того, чтобы доказать свое право на обличение человеческих пороков. В этом обосновании заключается главная роль преданий в сочинениях митрополита.

Ключевые слова: средневековая публицистика, неписаное предание, святоотеческие послания, Иосиф Волоцкий, Максим Грек, «Соборник» митрополита Даниила.

L.I. ZHUROVA

THE FUNCTION OF «NEPISANYE PREDANIYA» (ORAL CHRISTIAN LEGENDS) IN THE RUSSIAN PUBLICISM OF THE XVI CENTURY

Lyudmila I. Zhurova,
Doctor of Philology,
Institute of History SB RAS,
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: istochnik@history.nsc.ru

The Russian Medieval publicists raised the issue of oral Christian legends' significance due to the church rituals controversy. Based on the analysis of works by Joseph Volotsky, metropolitan Daniel and Maximus the Greek, the article shows how these famous scribes brought this problem up to date in their works; describes the ways of its presentation and functioning in the authors' texts.

Joseph Volotsky in his social essays was generally guided by the Holy Writ and written epistles of the Church teachers. He adhered to the pattern of the genetic relations between the Canonical epistles and the Church Fathers' words and did not mark out "nepisanye predaniya" (oral Christian legends).

---

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00217а.

Maximus the Greek did not take up the issue of the legends credibility. In his polemical treatises he freely used the subjects of oral sources as precedent texts. The role of sacred legends in the scholarly monk's works was determined by the referential truth they contained.

Adherence to the unwritten legends along with the written tradition of the Church is the narrative subject in the Word 3 of Daniel's "Sobornik". The Metropolitan's work contains a section on Church history which specificity resides in the fact that its two main themes (praise of feats of the Apostles and the Church Fathers and refutation of sinners) are not proportional to each other. The theme of the Apostles Acts is set out by Daniel in two rhetorical periods presented in an epic and panegyric vein. Accusations of a Christian, who does not follow the church regulations, are made in a satirical style being the author's original text. Among "evidences" there is a group of extractions regarding the subject of "nepisanye predaniya" that performed a text forming function of the Word 3. In a brief "Nakazanie" section of the Word 3 the formula of adherence to "predaniya" became conventionalized.

Reliance on "predaniya" was necessary for Daniel to prove his right to expose human vices. Such justification is the main function of "predaniya" in the works by Metropolitan.

Key words: Medieval publicism, "nepisanye predaniya" (oral Christian legends), Church Fathers' epistles, Joseph Volotsky, Maximus the Greek, Metropolitan Daniel's "Sobornik"

Вопрос о значении преданий и сформированных на их основе церковных обрядов активно обсуждался в русской публицистике первой половины XVI в. С его решением связаны основные расхождения между сторонниками разных идейных движений: жидовствующими, заволжских старцев, иосифлянами.

Основополагающим моментом в истории понятия «предание» стала цитата из Послания апостола Павла Солунянам: «Тѣм же убо, братия, стоите и дрѣжите предание, имже научистесь или словомъ или посланием нашим» (2 Фес 2:15). Она выполнила текстообразующую функцию в сочинениях Иосифа Волоцкого, митрополита Даниила и Максима Грека.

Иосиф Волоцкий в своем полемическом богословском трактате «Книга на еретиков» [1, с. 315] апеллировал к пророческим, евангельским и апостольским писаниям. Так, в Слове 3 «Просветителя» об упразднении жертвоприношений и обрезания после пришествия Христа церковный публицист определяет свою позицию, ссылаясь на прецедентный текст: «Мы же, апостольскимъ вѣрующе преданиемъ и пророческихъ послушающе писании, и видимъ, яко закон Моисеовъ упразднися, и жертвы и обрѣзание отврѣжени быша и в мерзость Богови вмѣнишася» [2, с. 123]. В Слове 11 о защите монашества Иосиф сформулировал парадигму отношений писаний и преданий, которой придерживался и Даниил Рязанец – преемник настоятеля Волоцкого монастыря: «И елико бяху в Вѣтхом Законѣ недостаточнѣ, сиа божественнии апостоли в Новѣмъ Законѣ недостаточная Закону наврѣшиша. Подобно же сему святии и преподобнии наши многиа писания и божественная предания написаша, еуангельскому и апостольскому писанию споспѣшествоваша и недостаточнаа Новому Закону наврѣшиша» [2, с. 419].

Отметим, что Иосиф Волоцкий не разделял предания на писаные и неписаные, что может свидетельствовать о неактуальности классификации жанра в начале XVI в. Источники сочинений игумена были письменными, на что он обычно указывал: «Мы же, апостольскимъ вѣрующе преданиемъ и пророческихъ послушающе писании, и видимъ, яко законъ Моисеовъ упразднися» (Слово 3) [2, с. 124]; «...ибо апостольское православие, и священныхъ съборовъ учения, и святыхъ велеименитыхъ отецъ нашихъ наказания, яко царское одѣвание носяще» (Слово 7) [2, с. 304]; «иноци не оставиша заповѣдь Божию и пророческихъ, и еу-

ангелскихъ, и апостольскихъ писании, ниже дрѣжать предание чловѣческо, но по Божественной заповѣди и пророческому, и по еуангельскому, и по апостольскому писанию избрѣтоша себѣ житие» (Слово 11), [2, с. 407]; «Симъ божественнымъ пророческимъ и апостольскимъ писаниемъ же и преданиемъ послѣдующе благочестивѣишии и православнии цари...» (Слово 13), [2, с. 494] и т.д.

Как видим, Иосиф Волоцкий в основном опирался на Священное Писание, апостольское учение и святотеческие поучения, подчеркивая письменный характер источников. Немногочисленны в его Словах упоминания о преданиях и не встречается словосочетание «неписанные предания».

Максим Грек выделял предания Священного Писания, апостольские предания и предания церковные. Придерживаясь постановлений Вселенских соборов, он признавал равнозначность преданий писаных и неписаных. Об этом идет речь в его первом послании Ф.И. Карпову против латинян («Слово на латинов»), составленном в 1522–1523 гг. Здесь ученый монах цитирует решение соборов, в котором специально оговорено наказание за несоблюдение преданий: «Таже аки тѣми же глаголы и прочии Соборы повелѣвают: и пятый, и шестый, и седмый, еже и въпиет свѣтлымъ гласомъ, глаголя... "Аще кто все предание церковное, написаное или ненаписаное, отмѣтает, да будет анафема"» [3, с. 191].

В «Слове против Николая Немчина (Булева)» преступниками «апостольскихъ и отеческихъ правилъ же и преданий» он называл латинян и обвинял их в том, что они «супротивно носятся апостольскихъ правилъ и отеческихъ преданий» [3, с. 252]. Заканчивая свой антилатинский трактат, ватопедский монах декларировал: «мы дрѣжимъ вся благочестия таины и богословная догмата апостольскихъ и отеческихъ церковныхъ преданий» [3, с. 252].

Максим Грек наиболее активно обращался к авторитету церковных преданий в своих ранних полемических сочинениях. Архитектоника его посланий (до суда 1525 г.) основана на линейном ряде обширных цитат-выписок из трудов святых отцов [4, с. 60–72]. Он проповедовал мысль о том, что «неоскудѣниемъ слова и обличении показателныхъ в заповѣдехъ и преданияхъ отеческихъ почиваем» («Слово на латинов») [3, с. 177], а преступившие «апостольскихъ и отеческихъ завѣщаний и клятвъ бысть под-

винна съборнѣ анафемѣ» («Слово против Николая Немчина») [3, с. 204].

У Максима Грека нет сочинения, специально посвященного теме преданий. Но во многих своих трудах он апеллирует к сюжетам «отеческих правил и завещаний», и они служат доказательной базой в изложении позиции церковного писателя. Мотивы преданий органичны в авторском тексте и вплетены в повествование в виде реминисценций и аллюзий. Синонимический ряд понятия «церковное предание» у ученого грека приобрел коннотативные признаки: «отеческие предания», «закон церковный», «отеческие правила и предания», «отеческие завещания», «предания премудрейших врачей», «уставы церковныя» и др., которые придали этой категории религиозной культуры (преданию) парадигмальный характер.

Тема соблюдения неписаного предания наряду с церковным писаным преданием определяет предмет повествования третьего Слова «Сборника» митрополита Даниила. Защищая важность церковных обрядов, первоиерарх ставил вопрос о защите церковного предания вообще [5, с. 428]. К церковным преданиям, судя по заголовку Слова 3, он относил апостольские и святоотеческие сочинения: «Яко въсходя Господь на небеса, вдаде апостоломъ два завѣта: Вѣтхыйи и Новыи. Сиа же приемше святїи апостоли, таже по них церковнии пастырие и учителя, иже вси Духомъ божественнымъ наставляеми, ова убо оставиша, ова же узаконоложиша и предаша святѣи Церкви. И сиа вся церковнаа предания, писанаа и неписанаа, узаконенаа намъ отъ святыхъ апостолъ и богоносныхъ отецъ нашихъ, непреложно подобаетъ съблюдати»¹.

Пространное название Слова 3, как всегда у Даниила, манифестирует тему повествования. В. Жмакин смысл третьего слова видел в том, что переданное апостолами и святыми отцами предание «должно составлять для каждого из членов ее предмет величайшего благоговения и безусловной обязательности, как выражение дальнейшей воли самого Спасителя» [5, с. 428]. И Иосиф Волоцкий, и Даниил, и Максим Грек использовали в качестве «зачала» к своей речи положение о том, что апостолы, а за ними и святые отцы приняли Ветхий и Новый заветы, данные Христом, и нам следует непреложно соблюдать эти церковные предания. Само название Слова 3 представляет собой минисюжет, и автор разворачивает его в полное повествование.

В. Жмакин упрекал Даниила в том, что митрополит «слабо различает то, что основано на священном предании, и то, что – на Священном Писании, и смутно осознает пределы Священного Писания, понимаемого в строгом смысле слова, и оттого впадает в ошибку, распространяя значение Священного Писания на жития, поучения, книги богослужебные» [5, с. 434]. Но это неразличение, видимо, отражает общий уровень культуры книжников XVI в.

Слово 3 Даниила состоит, как и все главы «Сборника», из трех разделов: историко-церковного, «свидетельств», «Наказания». В первой, историко-церковной, части Слова 3 Даниил излагает две темы, внешне как будто не связанные, выдержанные в разной тональности, но сопряженные внутренним смыслом и значением². Одна тема посвящена прославлению трудов апостолов и святых отцов. Эта хвала составлена из двух риторических периодов с повторяющимися мотивами. Каждый из них начинается с мотива связанности апостольского учения и трудов богоносных отцов об устройении Церкви и маркирован словом «Многа...», занявшим сильную позицию начала периода:

1. «Многа и различна устроения, чины же и уставы, правила и законы отъ божественныхъ апостолъ приять святѣи Церкви. Таже по апостолѣхъ богоноснии отци много предаша и наверхиша святѣи и соборнѣи апостолѣтѣи Церкви» (л. 64 об.).

2. «Многа управления и законы предаша святѣи Церкви вдохновениемъ Святаго Духа, и убо святїи апостоли о имени Исусъ Христовѣ и вѣры яже во Нь, и о Законѣ, Благодати многи труды и болѣзни показаша и кровию скончашася...» (л. 66 об.)

Этим повтором Даниил подчеркнул основополагающий момент о преемственности святоотеческих слов и апостольского учения, принятого в свою очередь от Христа. Единое начало периодов ритмизирует Слово проповедника.

Первый период речи архипастыря представляет собой изложение чинов и порядков в христианской жизни, установленных церковным преданием, и Даниил здесь не оригинален. Финальная фраза: «Сиа есть вѣра святыхъ апостолъ, яже научени быша отъ Бога, по святыхъ же апостолѣхъ богоноснии отци» (л. 66) – еще раз артикулирует конститутивный тезис.

Второй период посвящен прославлению святоотеческих подвигов и содержит своеобразную похвалу, выписанную в оригинальной стилистике Даниила. Писатель ступенчато выстраивает семантические ряды однородных членов, что приводит к расширению (раздвижению) структуры высказывания (постараюсь показать это графически, обобщающие слова при однородных членах подчеркнуты):

И по них [после апостолов. – Л.Ж.] святїи мученици и богоноснии отци много потрудишася:

и вседушно сташа противу нечестивыхъ царей и мучителей, благочестие съблюдоша, и вѣнци побѣдными от Христа увязошася, и убо своими о Христвѣ болѣзными и подвиги вселенную укрѣпиша, и бѣсы прогониша, и нечестивыхъ посрамиша, презрѣша бо мирь, и яже суть въ мирѣ:

и всяку сладость, и славу, и честь, и высоту, и гордость, и болярства, и възвышеня престола, и благородие презищное, и гордѣние всякое, и царства, и княжения, и пред-

¹ Текст цитируется по рукописи: РГБ. Ф. 173. Собр. МДА/Л. № 197. Л. 64. (Далее листы указаны в круглых скобках).

² Текст связан с категорией смысла (то, что восстанавливается читателем в результате понимания). Произведение связано с категорией значения (связи мысли и слова, по Л.С. Выготскому).

стоящая отроки, и предрышущаа слугы, и бесчисленное богатство:

грады же и села, кони же и златягы утвари, и сладость ястия и пития, и златопрядныя постели и прочее плотское услаждение –

ни въ что же въмѣниша, но все свое желание и мудрость и разум показаша о вѣрѣ иже въ Господа нашего Иисуса Христа, яже приаша отъ священных апостоль и богоносных отцев (л. 66 об.–67).

Таким образом, тема апостольских деяний изложена Даниилом в эпической и панегирической тональности, соответствующей пафосу церковной проповеди.

Вторая тема историко-церковного раздела Слова 3 представляет обличительную речь пастыря, построенную в виде цельного монолога и выдержанную в критическом тоне. Она направлена христианину, «церковныя законы и уставы презирающему». Даниил использует здесь излюбленный прием – обращение на «ты», поддерживающий драматургию общения автора и читателя: «Ты же, видя и слыша неподобнаа глаголющих...» (л. 67). Ситуативное функционирование обращений составляет одну из примечательных особенностей архипастырской речи Даниила. Главное обвинение проповедника адресовано «прельщенному от сатаны» и «отбегавшему от церкви». Он с нескрываемым раздражением описывает образ грешника, представляя его в динамике и окрашивая пиеративными мотивами: «затыкаеши, яко аспид, уши своа, помраченъ сыи прелестию сатаны; и егда услышиши събирающихся въ божественую церковь на молитвы и моления, отбѣгаеши, яко звѣрь, и пронырѣствуеши, яко змии, и лаеши на братию, яко песь, и валяешися в нечистотѣ, яко свиния въ тимѣнии... объадаешися и пианьствуеши, яко скот, и злопамятствуеши на братию, яко сатана» (л. 67–67 об.).

Ряд однотипных сравнений, построенный на образах животных («яко аспид», «яко зверь», «яко змея», «яко песь», «яко свиния», «яко скот»), не нов в традиционной поэтике древнерусской литературы, но у Даниила он складывается в тематическое множество. С большим сарказмом Даниил рисует портрет того же «прельщенного от сатаны», решившего посетить храм: «И егда срама ради внидеши въ божественую церковь и не вѣси, почто пришелъ еси, позевая, и протяжаяся, и ногу на ногу поставляеши, и бедру въставляеши, и потрясаеши, и кривляешися, яко похабный» (л. 67 об.).

Эмоциональная окрашенность – обязательный элемент обличительной речи Даниила. Обвинив человека в лукавстве, ненависти, зависти, клеветничестве и других злых помыслах, Даниил заканчивает свою речь нравоучением, что было основной целью его обращения: «И аще в сих не исправилъся, не вѣмъ, како истинныи христианинъ наречешися» (л. 68). При том он оговаривает, что делает свои наставления с самыми добрыми намерениями, и себя увещевает к соблюдению заповедей: «Сиа же глаголю, не осужаа, ни укоряа кого, но възставляа свою лѣность и възущаа себе и другихъ къ дѣланию заповѣдей Господнихъ» (л. 68 об.). Таким образом, Даниил оправдывал свое право на об-

личение человеческих пороков, опираясь на авторитет преданий, в которых тема порядка, устройства и уставов христианской жизни, разработанных учителями Церкви, должна служить для православного человека примером в организации его жизни. В этом обосновании и заключается главная роль преданий в трудах митрополита.

Итак, изложение первой и второй темы Слова 3 несоразмерно друг с другом. Речь Даниила о святоотеческих деяниях, состоящая из двух частей, выравнена в интервальных отношениях. Его обличительный монолог однороден по своей структуре. Обе темы кодифицированы на основе принципа противопоставления: подвиги богоносных отцов и поведение грешного человека, – и выделены разными стилями повествования. Если, обсуждая первую тему, Даниил придерживался традиционных мотивов пастырской речи, то, обратившись ко второй теме, архипастырь создавал оригинальный памфлет, в котором высмеивал недостатки отдельных членов паствы.

«Свидетельства» (вторая часть Слова 3) составлены из выписок, представляющих собой систему текстов Священного Писания, апостольского предания и предания церковного, святоотеческих сочинений. В Слове 3 в состав «свидетельств» вошли фрагменты сочинений Феофилакта Болгарского, епископа Амасийского Василия, митрополита Никейского Иоанна, Василия Великого, Иоанна Дамаскина, Никона Черногорца, правила Соборов и др. Эти источники были для Даниила абсолютно авторитетны.

Структура «свѣдѣтельств» организована по принципу «тематического ключа», когда библейская цитата помещается в начале текста и «задача читателя – установить точную семантическую связь между буквальным и духовным смыслом, не отделяя при этом их друг от друга» [6, с. 437]. Форма изложения, выбранная Даниилом, получила устойчивую модель: (1) авторизация (указание на источник) цитаты; (2) цитата; (3) толкования.

Раздел «свѣдѣтельств» Слова 3 открывается цитатой из Евангелия от Луки, притчей о разбойнике и милосердном самарянине (Лк 10: 30–35). Она послужила заявкой темы, которая будет продолжена в Слове 4 (там «свидетельства» не содержат библейского текста). Приведенное далее толкование евангелического текста Феофилакта Болгарского, в котором под образом самарянина представлен Иисус Христос, а под видом двух динариев – два Завета, Ветхий и Новый, объясняет происхождение замысла Слова 3, сформулированного в его названии. В толковании Феофилакта Болгарского стихов Лк 10: 34–37 для Даниила очень важной была мысль архиепископа о том, что каждый из учителей может сказать Христу по Его второму пришествии: «Господи! Ты дал мне два динария, вот я приобрел другие два. И Он так скажет таковому: «хорошо, добрый раб!» (Лк 19:17)». Такой благодарности должен ожидать христианин, подчеркивает церковный писатель. Труды апостолов, учителей Церкви и святых отцов, архипастырей и пастырей направлены на «трассирование»

учения, данного Христом. В этом цель апостольского и церковного преданий – утверждает Даниил. И себя он видел в роли распространителя священного слова.

«Свидетельства» Слова 3 можно представить тремя тематическими группами, внешне как будто между собой не связанными.

Первая представлена выписками из трудов Василия Амасийского, Иоанна Никейского, жития Илариона Меглинского и обращена к темам о павликианской ереси и об опресноках, объединенных одной проблемой – обличение армянской ереси (монофизитов).

Другая группа выписок составлена на тему писанных и неписанных преданий, ставшую главной для 3-го и 4-го Слов «Соборника» Даниила. Главная мысль подборки материалов – доказать важность и непререкаемый авторитет неписанных преданий наряду с писаными посланиями. Ключевыми в этом множестве текстов стали слова апостола Павла, открывающие раздел: «Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом, или посланием нашим» (2 Фес 2:15). Идея о почитании преданий апостольских, писанных и неписанных, далее «тиражируется» выписками из Беседы Иоанна Златоуста на второе послание к Солунянам, послания Василия Великого Амфилохию Никейскому о Святом Духе (главы 27 и 29), Толкового Евангелия (1 неделя св. поста, слово 5), «Пандектов» Никона Черногорца.

В небольшой третьей группе «свидетельства» объединены мотивом соблюдения законов Церкви. Сюда вошли отрывки из правил Седьмого Вселенского собора в защиту иконопочитания и «Многосложного свитка», противоеретического памятника IX в., сыгравшего «существенную роль в идеологической борьбе на Руси в конце XV – начале XVI в.» [7, с. 238].

Как бы не на своем месте среди «свидетельств» оказался фрагмент с текстом Иоанна Дамаскина о святых иконах: он находится между первой и второй группой, хотя его место в группе третьей. Но в целом структура второго раздела в Слове 3 такова: Священное Писание (евангельский текст) – Священное предание (апостольские послания) – церковное предание (святоотеческий текст и соборные послания).

Разнородность «свидетельств» здесь трудно объяснить. Историки Церкви XIX в. упрекали Даниила в бессистемности и бессмысленности его подбора выписок. Например, Макарий (Булгаков) писал: «во второй [части] он только представляет чужие свидетельства, располагает их по своему усмотрению, без всякой между ними связи, и от себя не прибавляет и не говорит ничего...» [8, с. 188]. На самом деле выписки автором структурированы, и они выполняют текстопорождающую функцию Слов Даниила [9, с. 130–156]. В Слове 3 противоеретические тексты, помещенные в первой и третьей группах «свидетельств», обрамляют выписки на тему неписанных преданий (во второй группе). Видимо, в такой композиции следует искать объяснение авторского замысла.

«Наказание» Слова 3 – пожалуй, самое краткое во всем «Соборнике» Даниила. Оно начинается с

устойчивой формулы, указывающей на источник повествования: «До здѣ яже събрах свѣдѣтельства Божественных Писании въ ползу себѣ же и искренним». Затем Даниил объясняет цель своего труда: «Сего ради потрудихся къ истинному извѣщению правыхъ вѣры» (л. 92) и заканчивает пастырским увещанием: «И да вся предания, писанаа и неписанаа, потщимся съблюдати с правую вѣрою и чистым житиемъ» (л. 92 об.). Эта формула приобрела в идейно-эстетических построениях церковного писателя конвенциональный характер.

Слово 3 «Соборника» служит как бы предисловием к Слову 4, посвященному сюжетам крестного знамения и поклонения на восток, известным по неписанным преданиям. Митрополит Даниил в 30-е гг. XVI в. выступил в защиту древнего православного обычая перстосложения и крестного знамения как священного знака христианской веры, утверждения двуперстия и поклонения на восток.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемик 1480–1510-х гг. СПб., 2010. 390 с.
2. *Просветитель*, или Обличение ереси жидовствующих. Творение преп. отца нашего Иосифа, игумена Волоцкого. Казань, 1904. 551 с.
3. *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. М., 2008. Т. 1. 567 с.
4. Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: литературная и рукописная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1. 493 с.
5. Жмакин В. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881. 762 с.
6. Пиккио Р. Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. М., 2003. С. 431–465.
7. Афиногенов Д.Е. «Многосложный свиток» – славянский перевод послания трех восточных патриархов императору Феофилу // Богословские труды. М.: Изд-во Московской патриархии, 2013. Вып. 45. С. 235–241.
8. Макарий (Булгаков). Сочинения московского митрополита Даниила. Статья преосвященнейшего Макария, архиепископа литовского и виленского // Христианское чтение, издаваемое при С-Петербургской духовной академии. 1872. Октябрь. № 10. С. 181–275.
9. Журова Л.И. «Слово о Крестной смерти» митрополита Даниила и традиция учительной литературы // Тексты источников по истории России и национальная культурная традиция: сб. науч. тр. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. С. 130–156. (Археография и источниковедение Сибири. Вып. 32).

REFERENCES

1. Alekseev A.I. The works by Joseph Volotsky in the context of polemics in 1480–1510. St. Petersburg, 2010, 390 p. (In Russ.)
2. *The Educator*, or the denunciation of the Jewish heresy. Work of His Reverend Joseph, Abbot of Volokolamsk. Kazan, 1994, 551 p. (In Russ.)
3. His Reverend Maximus the Greek. Works. Moscow, 2008, vol. 1, 567 p. (In Russ.)
4. Zhurova L.I. Author's text of Maximus the Greek: literary and the manuscript traditions. Novosibirsk, 2008. pt. 1, 493 p. (In Russ.)
5. Zhmakin V. Metropolitan Daniel and his works. Moscow, 1881, 762 p. (In Russ.)
6. Pikkio R. The function of biblical thematic clues in the literary code of the Orthodox Slavs. *Pikkio R. Slavia Orthodoxa. Literatura i yazyk*. Moscow, 2003, pp. 431–465. (In Russ.)

7. *Afinogenov D.E.* «Mnogoslozhnyj svitok», the Slavonic translation of the message of the three Eastern patriarchs to Emperor Theophilos. *Bogoslovskie trudy, izd. Moskovskoj patriarkhii.* 2013, vol. 45, pp. 235–241. (In Russ.)

8. *Makarij (Bulgakov).* The works of the Moscow Metropolitan Daniel. Article of his Eminence Makarios, Archbishop of Lithuania and Vilna. *Khristianskoe chtenie, izdavaemoe pri S-Peterburgskoj dukhovnoj akademii.* 1872, okt., no 10, pp. 181–275. (In Russ.)

9. *Zhurova L.I.* «Word of the Death on the Cross» by Metropolitan Daniel and the tradition of didactic literature. *Teksty istochnikov po istorii Rossii i natsionalnaya kulturnaya traditsiya. Sb. nauch.tr.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. 2014. (Arkhеografiya i istochnikovedenie Sibiri, vol. 32), pp. 130–156. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 09.07.2015

DOI: 10.15372/HSS20150302

УДК 94(47).04+930.85

Н.С. ГУРЬЯНОВА

СТАРООБРЯДЧЕСКИЕ СБОРНИКИ И ТРАДИЦИИ КНИЖНИКОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Наталья Сергеевна Гурьянова,
д-р ист. наук, главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8
e-mail: gurian@academ.org

Статья посвящена анализу сборников, составленных старообрядцами в начале XVIII в. в связи с предстоящими дискуссиями с миссионерами официальной Церкви. Обращено внимание на то, что каждый раз формировался новый вариант сборника подготовительных материалов. Уважительно относясь к тексту предшественника, составители явно считали возможным использовать все его материалы, подчиняя их своей логике изложения аргументов в пользу отстаиваемой точки зрения, а также дополнять их новыми цитатами. В результате сделан вывод о том, что в сборниках подготовительных материалов к «Дьяконовым ответам» нашло отражение традиционное для книжников Древней Руси отношение к цитированию и созданию авторского текста.

Ключевые слова: церковная реформа, раскол, книжная культура, традиции, старообрядцы, рукописные сборники.

N.S. GURYANOVA

OLD-BELIEVERS' COLLECTED WORKS AND TRADITIONS OF OLD RUSSIAN SCRIBES

Natalia S. Gurianova,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of History SB RAS
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia
e-mail: gurian@academ.org

Collected preparatory works of the “Deacon’s Answers” make it possible to characterize the process of collective work of several generations of Old Believers who gathered testimony in favor of their advocated point of view with regard to the novelties introduced to the Ritus and liturgical practices during the Patriarch Nikon’s Church reform. The article shows how the collectors used the works written by the monks of Solovetsky Monastery and selected citations from the Holy Script in order to prove the illegitimacy of all these novelties. This work was started by Timofey Lysenin who managed not only to collect and systematize all fragments from the authoritative books (that had by then been selected by the defenders of Old Belief) but also referred to the original texts for the purpose of verifying the accuracy of reproduction of the text and describing a manuscript or a printed edition. His book was taken by the compilers as a basis for the collections of preparatory works.

The article draws attention to the fact that compilers of the collections regarded the texts of their predecessors as a material that could be used for stating their own opinion. Being respectful of the text they used, reproducing the fragments practically verbatim, they considered it possible to change the logic of argumentation, supplementing it with new citations and comments. It is concluded that each collection resulted from a collective work of several generations of defenders of Old Belief. The collective character of their work was due to the fact that even in the Modern Age the Old Believers retained a traditional attitude towards citations and creating their own manuscripts that was typical of the Old Russian scribes.

Key words: Church reform, Schism, book culture, traditions, Old Believers, manuscript collections.